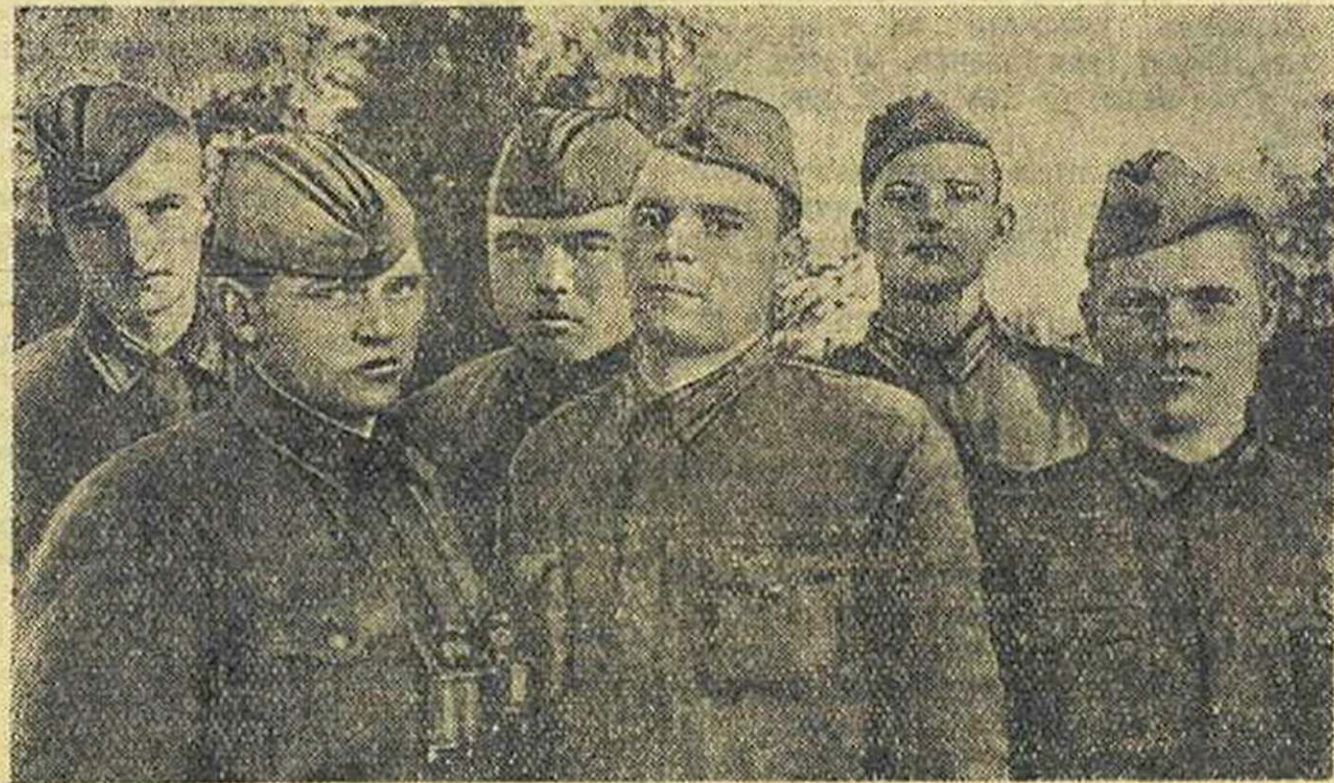

Если бы кто-то спросил Константина Симонова, был ли он в Барнауле или на Алтае, он бы твердо ответил: «Нет». А мы твердо говорим: «Да!»

НА ДОНУ. Артиллеристы, уничтожившие 14 немецких танков. В первом ряду (слева направо): командир батареи лейтенант И. Шуклин, красноармейцы: Ю. Каюмов, Н. Лончаков; второй ряд: М. Панин, В. Шлонов и К. Вяткин. (Смотри очерк К. Симонова «Единое братство»).

Снимок нашего спец. фотокорр. В. Темна.

...В шестнадцатой главе романа «Живые и мертвые», рассказывающей о декабрьских боях под Москвой, Синцов собирается бриться в ожидании фотографа, который должен снять его для партбилета, и вынимает из мешка мыло и кисточку.

«Все это попало к Синцову в одном из мешков с подарками. Подарки шли в дивизию с Алтая, где она до войны стояла, и пришли не к 7 ноября, а с опозданием в две недели. Из алтайцев в батальонах и ротах уже мало кто остался, а среди автоматчиков был всего один командир взвода Караулов. И все же то, что подарки пришли издалека, с Алтая, особенно тронуло людей, и автоматчики написали ответное письмо землякам Караулова».

Мы же понимаем, что воинские части формировались по всему СССР. И Симонов за четыре года на фронте побывал в самых разных воинских частях. Но вот: трогательная деталь, тревожащая душу посылка из мира — в войну пришла с Алтая. Пусть нас извинят соседи, но — не из Новосибирска, не из Омска, не из Тюмени, не с Урала, хоть он и опорный край державы, а — с Алтая.

В главной симоновской трилогии Алтай и Барнаул на особом месте. Вот, например, во втором томе «Живых и мертвых» («Солдатами не рождаются») Синцов спрашивает своего соседа по землянке, усатого старшего лейтенанта:

— Жена у тебя где?

— Теперь хорошо! Теперь в эвакуации, под Барнаулом. А то в Ростове была... — отвечает ему сосед.

Получается, Барнаул у Симонова — что-то вроде земли обетованной.

Волею автора в нашем городе в эвакуации оказались родители Гурского, друга Лопатина. Берта Борисовна, мама Гурского, вспоминает: «Когда мы жили в эвакуации в Барнауле с Бориным папой...» А потом уже сам Гурский, собираясь в ту командировку, которая стала для него последней, говорит: «Мама, собери мне тот маленький чехомданчик, с которым я приезжал к тебе в Барнаул».

Под именем Гурский описан Александр Кривицкий, с которым Симонов работал в «Красной звезде», которого брал потом с собой в «Новый мир», в «Литературную газету». То есть человек очень близкий. Разные мемуаристы считают даже, что Кривицкий имел на Симонова большое влияние. А имя Берта — это имя первой тещи Симонова, Берты Павловны Ласкиной, к которой он сохранил уважительное отношение и после развода с Евгенией Ласкиной. То есть в Барнаул Симонов отправил, как говорится, не абы кого.

Таня в «Живых и мертвых» приезжает в Ташкент и видит горе и слезы. Лопатин в повести «Двадцать дней без войны» тоже приезжает в Ташкент, потом оказывается в Тбилиси — и тоже видит горе и слезы. Фрунзе, Ашхабад, Омск — везде тяжело. И только Барнаул — остров счастья, Город Солнца.

Константин Симонов.

Фото Л. Шерстенникова,

1 июля 1941 года, Могилев, Белоруссия

Конечно, у Симонова был миллион возможностей узнать о Барнауле, начиная со школьного учебника географии. Однако узнать — одно, а проникнуться к нему заочной симпатией, настолько сильной, что подсознание то и дело подкидывает ему «Барнаул», и он повторяет это слово раз за разом, как заклинание, словно других городов за Уралом нет, — такое возможно, только если образ города по-настоящему дорог.

НА АЛТАЙ — СПАСАТЬСЯ

Но кто мог наговорить Симонову добрых слов о Барнауле и Алтае? Из близких Симонова в эвакуацию в наши края никто не попал — родители оказались в Перми (тогда — Молотов), Валентина Серова отвезла мать и сына в Свердловск и потом вернулась в Москву. Евгения Ласкина с их сыном Алексеем эвакуировались в Чистополь, там собралась целая писательская колония (в хорошем смысле этого слова) во главе с Пастернаком.

И сам Симонов до нас так и не доехал. Если говорить о той части страны, которая на карте справа от Уральских гор, то он был в Свердловске, Нижнем Тагиле, Чите, Норильске,

в 1957 году — в Якутии, в 1963 году на перекрытии Енисея в Дивногорске, в 1964 году — в Иркутске, в 1967 году проехал весь Дальний Восток, в 1969 году ездил на Даманский, в 1975 году с женой и дочерью прошел Северным морским путем. А вот на Алтае — нет, не был. Однако мы же знаем, что если человек не идет к Алтаю, то Алтай идет к человеку.

В первом наборе (1933) Литературного института учился Сергей Поделков. Родившийся в 1912 году в семье рабочего, он мальчиком, в начале двадцатых годов, оказался на Алтае. В Москве было голодно, отец и другие рабочие откуда-то прослышали про землю обетованную, хлебный край Алтай, съездили, посмотрели — и перевезли семьи. Шесть рабочих семей распахали нетронутые земли в Павловском районе, сеяли хлеб, жили крестьянским трудом. С этого начался поселок Калужка, недолго, правда, просуществовавший.

Сергей в селе Шахи окончил начальную школу, а дальше пошел учиться в школу в Павловске. Там у него случилась первая любовь — Нина Гоффер (о которой я пытался что-нибудь разузнать, но пока не разузнал).

В 1925 году семья вернулась в Москву. Сергей в 1927 году начал писать стихи, одно из первых — «Алтайская степь». Печатался с 1931 года, в 1933 году у него уже состоялся творческий вечер, в 1934 году вышел первый сборник.

Для Симонова, поступившего в Литинститут в 1934 году, он старший товарищ. Но Симонов довольно быстро сдружился со вторым курсом — его друзьями стали Евгений Долматовский, Маргарита Алигер. Наверняка он познакомился и с Поделковым. Наверняка узнал от него об Алтае, слушал его стихи о нашей земле.

Сергей Поделков

За Барнаулом
маревое стоит,
свистят
мелькающие тени птичьи,
гул жатвы,
говор —
и снопы навскид.
Мне слышен труд,
как дедовская притча.

Вот так Поделков писал об Алтае. Свет, сила, царство идеала, он помнит места своего детства такими — и всем вокруг рассказывает о таком Алтае.

И когда над Поделковым из-за его дружбы с поэтом Павлом Васильевым ступили тучи, он попытался спастись именно на Алтае: уехал сюда в конце мая 1935 года, побывал в Барнауле, в Змеиногорске, Риддере. Ничего из этого возвращения не вышло, все оказалось не то, а сильнее всего по Поделкову ударила история Нины Гоффер — она вышла замуж, муж погиб, а она сошла с ума. Прочитав в июле о приговоре Павлу Васильеву (ему дали три года), он поехал в Москву — навстречу судьбе. 7 октября его арестовали и осудили на три года.

В книге «Глазами человека моего поколения», рассказывая об арестах среди студентов Литинститута, Симонов перечисляет: «На старшем курсе — считавшийся немножко странным и чуть-чуть юродствующим, но едва ли не самым способным, Александр Шевцов, затем Поделков».

Константин Симонов.

Фото Петрусова, 1943 год

Ему повезло, срок не добавили, нового дела не завели, и в тридцать восьмом году он вышел. Ему разрешили вернуться в Москву. Он работал внештатником Всесоюзного радиокомитета, писал стихи на исторические темы — про Петра Первого, даже ухитрился в 1941 году заочно окончить Литературный институт. С началом войны ушел на фронт. Прошел всю Великую Отечественную простым сапером.

Мария Исполнова, внучка поэта, говорит, что после освобождения ему помогал как раз Константин Симонов: «Его ведь никто не печатал, что понятно: напечатаешь — тебе самому попадет, а Константин Симонов уверенно пропихнул одну из его поэм, и как-то процесс пошел дальше».

Я все же думаю, что Симонов помогал Поделкову уже после войны, когда стал большим литературным чином, до войны возможности его были невелики. Но, так или иначе, а помогал.

АЛТАЙСКИЕ ГЕРОИ

Впрочем, нет, иногда Симонов все же попадал на Алтай. Как корабль в иностранном порту является территорией своего государства, так и на войне территориями Алтая оставались сформированные на нашей земле воинские части.

Именно такой была 107-я дивизия, в которой Симонов оказался в самом начале войны, 25 июля 1941 года. Дивизия входила в оперативную группу генерала Ракутина, собранную для штурма Ельни. Для Симонова, насмотревшегося за первый месяц на хаос и неразбериху, на героизм, замешанный на отчаянии, очень важно ощущение порядка, которое он здесь находит.

«Чувствовался строгий порядок и строгая дисциплина с тем оттенком некоторой аффектации и особой придирчивости, которая бывает в кадровых частях, только что попавших в боевую обстановку...» — одобрительно отмечает он.

«Командир 107-й дивизии полковник Мионов приказал накормить нас перед дорогой. Ординарец неожиданно для нас раскинул на откосе холма ковер, должно быть привезенный с собой из дома, из Сибири, и от этого ковра вдруг так и пахло маневрами мирного времени...» — здесь для него важно не только гостеприимство, но и обстоятельность и запливовость, с какими все поставлено в дивизии. Если для гостей нашелся ковер, то для врага найдутся и патроны, и гранаты.

107-я дивизия и в самом деле кадровая, она сформирована на Алтае в 1939 году из жителей Барнаула, Бийска и Рубцовска, дислоцировалась в этих городах, а также на станции Пospelиха. Уже 24 июня дивизия выехала на фронт. 19 июля, первым из состава дивизии, вступил в бой 586-й стрелковый полк. Кстати, командиром батальона в нем был Нестор Козин, дослужившийся за войну до командира дивизии и за штурм Берлина ставший Героем Советского Союза.

В сентябре 1941 года сразу двоим командирам полков, Ивану Михайловичу Некрасову (586-й полк) и Матвеем Степановичу Батракову (765-й полк), присвоили звания Героев Советского Союза. За бои под Ельней дивизия в числе первых получила звание «Гвардейская», и уже как 5-я гвардейская принимала участие в боях

Наградной лист
Плотникова Петра Никифоровича

Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ПЛОТНИКОВ Петр Никифорович
2. Звание гвардии сд. лейтенанта
3. Должность, часть командир батальона 2126. стр. полка, 75 гв. стр. дивизии
- Представляется к ордену "Красная звезда"
4. Год рождения 1925 г.
5. Национальность русский
6. Партийность чл. ВКП(б)
7. Участие в Гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) В Финляндской войне с 1942 года
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне ранен три
9. С какого времени в Красной Армии с 1941 года
10. Каким РВК призван Вологодский РВК, Алтайского края
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) медаль "За оборону Сталинграда" с 1943
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

под Москвой. И Симонов, судя по всему, отлично все эти подробности знает — его Синцов, похоже, в этой дивизии и служит.

Алтай — это ведь не только земля, а еще и люди. По людям судят о стране, о крае. Наши земляки, которых встречал Симонов, внушили ему особое отношение к этому далекому сибирскому уголку.

В июле 1942 года, во время поездки на Брянский фронт, в 8-й кавалерийский корпус, Симонов узнал об Илье Шуклине. Двадцатилетний парень из Ойрот-Туры (нынешняя Республика Алтай), артиллерист, командир орудия, подбил четырнадцать танков. Мог бы и больше, но орудие, только что из ремонта, отказало. «Во время боя Шуклин подавал команды, сидя верхом на лошади, потому что, видите ли, как он мне объяснял, ему так, сверху, были видней танки!» — восхищенно пишет Симонов.

Шуклин рассказал Симонову о своей родине — «о глухом алтайском селе Черный Ануй», об Ойрот-Туре (Горный Алтай). Пейзажей Симонов в своем очерке не пишет — он передает чувство Родины, чувство тепла и единения, которым живет Шуклин, ради которого идет в бой. Видимо, и самого Симонова окатило и согрело нашим алтайским теплом.

«Выглядел он совсем юным, буквально мальчишечкой, и просил меня, если можно, передать привет от него отцу и матери — Захару Ильичу и Марье Григорьевне — и девушке Вале Некрасовой.

И я сделал это в своей корреспонденции, которая появилась ровно за двенадцать дней до его гибели в следующем большом бою. Героем Советского Союза он стал уже потом, посмертно...» — насчет двух недель Симонова кто-то обманул: очерк об Илье Шуклине «Единоборство» появился в «Красной звезде» 9 августа 1942 года, а Илья Шуклин воевал после этого еще почти год, погиб он 21 июля 1943 года. А вот Героем Советского Союза Илья Захарович стал, и правда, посмертно — в октябре 1943-го.

На Курской дуге Симонов встретил еще одного нашего земляка, как на подбор, тоже артиллериста: «...Пётр Никитович Плотников, из Алтайского края. Старший лейтенант. Командир 120-миллиметровой минометной батареи. "Под сильной бомбежкой вышло из строя четыре миномета, но надо было стрелять, и я тут же приказал сделать замену частей, из четырех разбитых минометов собрал два целых там же, на месте. Заняло это полтора часа. Потом из них опять били..." Хотя и старший лейтенант, но совсем мальчик, только девятнадцать лет. Еще молодым человеком, 29-летним, когда-нибудь вспомнит о том, что было целых десять лет тому назад...»

Плотность событий на Курской дуге была такова, что запись о нашем отважном земляке так и осталась в блокноте. Выяснить, кто этот Плотников Пётр Никитович мне помог наш историк Евгений Платунов. Ориентируясь на возраст, род войск и место рождения, он нашел Плотникова Петра, но не Никитовича, а Никифоровича (вполне вероятно, Симонов спустя годы не разобрал записи в своем блокноте).

В базе данных «Подвиг народа» местом призыва Петра Никифоровича Плотникова указан Белоглазовский район (в 1963 году район упразднен, его территория вошла в состав Шипуновского района). По учетно-послужной карте (УПК) офицерского состава в ЦАМО Евгений Платунов уточнил, что родился наш Плотников в деревне Чупино. Год рождения — 1923-й, в РККА — с 1941 года. Солдат бывалый — награжден медалью «За оборону Сталинграда».

В ОБД «Мемориал» имеется запись о том, что Пётр Никифорович Плотников умер от ран 18 июня 1944 года, будучи в это время рядовым 8-го отдельного штрафного батальона. Так как это был офицерский штрафбат, вполне возможно, что этот Плотников — наш Плотников. Но как он оказался в штрафбате — неизвестно.

В романе «Солдатами не рождаются» есть старший лейтенант (именно старший лейтенант!), попавший в штрафбат за то, что побил офицера из трибунала. С пятью нашивками за ранения и без единой награды, правда, не девятнадцати лет — «высокий, немолодой, с перебитым пулей носом». Наверняка и без Плотникова Симонов знал немало подобных историй. Но в то же время, готовя к публикации свои фронтовые дневники, он много работал в архивах, уточнял судьбы тех, с кем столкнула его война, вполне мог знать судьбу так и не дожившего до воспоминаний молодого лихого минометчика с Алтая.

В апреле 1944 года Симонова опять занесло в какой-то мере на Алтай — в 232-ю стрелковую дивизию. Дивизия с таким номером, сформированная в Харьковском военном округе, участвовала в войне с июля, в сентябре попала в Киевский котел, где и погибла. Ее номер получило соединение, формировавшееся с декабря 1941 года в Бийске. Симонов оказался в дивизии, когда она вошла в Румынию, первое европейское государство, в которое вступила Красная армия в ходе войны.

К сожалению для нас, Симонов в этой дивизии подпал под обаяние личности ее командира, генерал-майора Максима Козыря, которого он позднее описал в «Живых и мертвых» как генерала Кузьмича. Вдобавок он в то время уже больше работал на будущую книгу, чем на газету, тем более что Ортенберг, который умел управляться с Симоновым, уже из «Красной звезды» ушел, а новый редактор, Таленский, хоть и генерал, а на своего самого знаменитого корреспондента смотрит снизу вверх. Поэтому очерков из 232-й дивизии он не написал. Однако рассказы «Перед атакой» («Красная звезда», 23 апреля 1944 года) и «Любовь» («Красная звезда», 1 мая 1944 года) почти наверняка написаны во время пребывания в дивизии и под впечатлением от встреч с ее бойцами и офицерами.

СЛУЧАЙ С ПОЛЫНИНЫМ

Занимаясь всей этой литературной дактилоскопией, не могу обойти вниманием небольшую повесть «Случай с Полыниным». Это минорная история про то, как влюбились друг

в друга военный летчик Польшин и московская актриса Галина Петровна, но судьба и люди развели их.

Как ни удивительно, но и здесь имеется «алтайский след»: Фёдор Петрович Польшин — реальный человек, детство которого прошло на Алтае.

Родился он в Самарской губернии в 1906 году. Семья жила тяжело, мечтали о лучшей доле. Тут как раз объявили Столыпинскую реформу. Польшин писал в своей книге «Боевые маршруты»: «Жил в нашем селе преклонных лет мужичок по прозвищу Мечтало. В разговоре он любил употреблять это слово. "Я вот мечтаю о том-то". "По моей мечте надо бы сделать..." Так это слово к старику и присохло. (...) Так вот, Мечтало возьми и подай крестьянам мысль:

— Что мы здесь живем, с травы на воду перебиваемся? Лучшие земли у помещиков Мальцева да Шишкина. А у нас надел — курица перескочит, робим-робим, а к весне все равно зубы клади на полку. Вот есть такой край — Алтай называется. Земли там — глазом не окинешь. Да и земля — чернозем один. Оглоблю воткни, и та в рост пойдет. А зверья, а рыбы, а лесов дремучих... Я вот давно мечтаю туда податься, только компаньона не нахожу.

Взбаламутил этот знаток далекого сказочного края безземельных мужиков, заронил искру надежды и уж такую радужную картину нарисовал, что половина деревни в те райские обетованные земли засобиралась. Согласился вместе с другими поехать на Алтай и мой отец...»

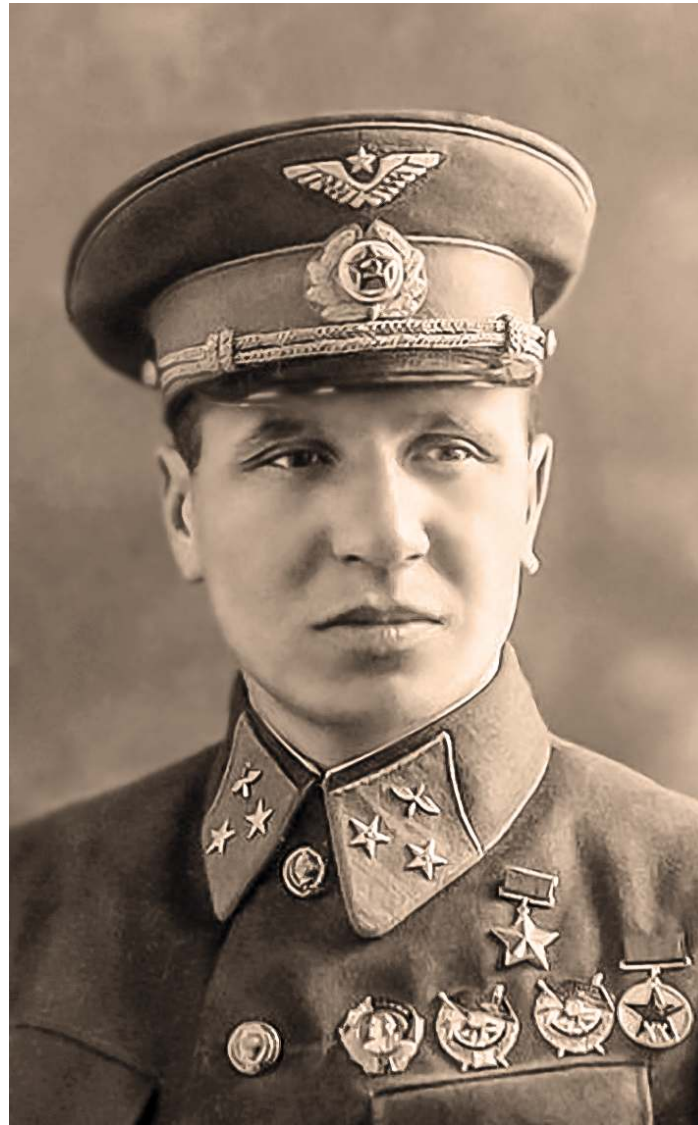
Польшины и еще несколько семей двинулись на новые земли. «В горах, неподалеку от берега могучего Иртыша» основали деревню Самарка. В двадцатые годы семья вернулась в Поволжье.

Внимательные читатели наверняка зацепились за Иртыш — по нынешнему Алтаю эта река не течет. Да, нынче те места — Казахстан. Но в начале XX века граница Барнаульского уезда пролегла как раз по Иртышу, так что Польшины, и правда, жили на Алтае.

Свидетельств о личном знакомстве Симонова и Польшина нет. Однако слышать фамилию летчика Константин Михайлович мог и до Великой Отечественной, а тем более во время нее — в своих поездках по фронтам, от друзей, например, от Маргариты Алигер, которая в конце сорок второго побывала во 2-й воздушной армии, заместителем командующего которой служил Польшин.

Автор нередко, как говорят, «раздает себя» персонажам. Так и здесь: Север, где воюет летчик Польшин, — это симоновское «место силы». Но главный, просто царский подарок литературному Польшину от Симонова другой.

В повести после концерта летчики устраивают для артистов ужин, Галина Петровна начинает петь русские и украинские песни: «...глаза у нее были черные, печальные, пела она, подперев щеку рукой, словно пригорюнясь, и, казалось, думала все время о чем-то чужом и далеком». А когда запела «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина», тут Польшин и пропал.

Фёдор Польшин

А на самом деле это Симонов пропал, когда Серова, молодая вдова героя-летчика, однажды после спектакля вдруг пригорюнилась и запела...

Повесть маленькая, а смыслы большие, важные. Несбывшаяся любовь — несбывшаяся жизнь. Люди остались одинокими перед лицом войны. Им бы объясниться, но когда, ведь война. А еще, возможно, Симонов, когда писал эту повесть, вдруг подумал, что, если бы у них с Серовой все кончилось вот так, не начавшись, — может, и лучше было бы для всех? Это попытка склеить жизнь, как киноплёнку, выбросив кадры, которые кажутся лишними.

Можно сказать, что Алтай тут ни при чем. А с другой стороны, Симонов всегда очень тщательно искал фамилии своим героям. Только с фамилией образы обретали законченность, характер. Польшин — фамилия неслучайная. Польшин — трава горькая, степная, трава бескрайних русских просторов. Не цветок, но без полыни Россия не Россия, и Алтай — не Алтай. Без Польшина не было бы этой повести, а без Алтая не было бы Польшина. Такой вот круг — замкнутый, неразрывный... ❧